

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В ШВЕЦИИ

© 2022 г. Ф.М. Чернецкий

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: fedor.mche@gmail.com

Школьные выборы – эксперимент для учеников, имитирующий электоральный процесс, в ходе которого подростки могут приобщиться к политической культуре своей страны, познакомиться с процедурой голосования, кандидатами, политическими партиями и их программами. В Швеции школьные выборы проводятся с 1998 г., и к настоящему времени в них участвует подавляющее большинство учеников, то есть почти 500 тыс. чел. Результаты их голосования можно анализировать так же, как и итоги обычных выборов, но в этом случае исследователи имеют возможность работать с электоральными предпочтениями небольшой и относительно гомогенной группы избирателей. В данной статье анализируются школьные выборы 2018 г. и география их результатов в Швеции. При близких общих результатах голосований, география итогов обычных выборов не совпадает территориально с голосованием среди школьников, их соотношение демонстрирует большую мозаичность в распределении поддержки партий старшеклассниками. Их голосование характеризуется повышенной ролью эффекта соседства, тогда как география парламентских выборов в Швеции объясняется преимущественно классической моделью социально-экономических расколов. Кроме того, выявляется неожиданно большая разница в электоральном поведении между учащимися в школах и студентами университетов.

Ключевые слова: школьные выборы, Швеция, SkolVal, школьное голосование, электоральная география, эффект соседства.

DOI: 10.5922/1994-5280-2022-2-9

Введение и постановка проблемы. Дебаты по вопросу снижения возрастного избирательного ценза ведутся уже много лет, причём каждая из сторон имеет множество как теоретических, так и эмпирических аргументов в защиту своей позиции. Ключевым является вопрос о «политической зрелости» подростков шестнадцати и семнадцати лет. Часть исследователей считает молодёжь менее политически активной и менее последовательной [2]. На основе результатов социологических экспериментов делается вывод о существенных различиях в политическом поведении взрослых и молодых избирателей [5].

Важным, с точки зрения политической науки и электоральных исследований, является эксперимент, в ходе которого школы организуют «учебные» голосования, обладающие теми же атрибутами, что и настоящие, в том числе и предвыборными дебатами. Раньше всех такие эксперименты начали проводить в Норвегии (с 1989 г.) и Швеции (с 1998 г.) для повышения политической активности и осведомлённости молодых избирателей [34; 35].

В последние годы в шведском «школьном голосовании» участвует уже подавляющее большинство школ и учеников по всей стра-

не, поэтому можно рассматривать не только общие их отличия от настоящих выборов на национальном уровне, но и анализировать географическую дифференциацию электорального поведения старшеклассников.

Обзор ранее выполненных исследований. Школьные выборы стали массовым явлением в Канаде, где они проводятся с 2004 г., и в странах Северной Европы: Норвегии (с 1989 г.), Швеции (с 1998 г.) и Дании (с 2015 г.) [37; 39]. Уже на первых выборах в каждой из стран голосовали около 100 тыс. школьников старших классов, а в последние годы их число увеличилось до 150 и 450 тыс. в Норвегии и Швеции соответственно [34; 35]. Сейчас практически все школы этих двух стран проводят данные мероприятия, поэтому большая часть учащихся имеет возможность голосовать на этих выборах. Несмотря на то, что результаты не влияют на настоящие выборы, их можно использовать как инструмент для исследования политических и ценностных предпочтений молодёжи.

При этом научных работ, рассматривающих электоральные предпочтения подростков именно с помощью школьных выборов,

на данный момент ещё не появилось. Исследования о самом феномене голосования школьников также малочисленны и представлены лишь несколькими социологическими работами, например, исследованием М. Тулин, анализирующим причины повышенной поддержки ультраправой партии «Шведские демократы» в одной из школ города Истад (регион Сконе) [38]. Автор приходит к выводу, согласно которому основную роль в увеличении популярности какой-либо партии в отдельной школе играют: гомогенизация электоральных предпочтений в рамках небольшого сообщества, влияние на учеников взглядов преподавателей и эффект избирательной кампании.

Цель имитации голосования для школьников – приучение молодёжи к культуре голосования [38]. Множеством исследований показано, что избиратели в молодых возрастных группах куда менее активны на выборах, чем старшие [23]. Молодые избиратели меньше интересуются выборами, реже считают необходимым участвовать в них. Один из факторов, влияющих на абсентеизм молодых когорт избирателей – низкая доля молодых кандидатов на выборах и их небольшие шансы на победу. Пожилые избиратели перепредставлены на любых выборных должностях, а молодые репрезентированы непропорционально мало, относительно их доли в населении или электорате [30]. Появление молодых лидеров во главе партий или на президентских выборах автоматически повышает явку молодых избирателей, и влияет на их электоральные предпочтения [3; 23].

Повышает абсентеизм молодёжи и ценностный разрыв с более пожилыми кандидатами. Молодые избиратели обычно имеют набор ценностных установок, отличающийся от ценностей остальных избирателей [10; 21; 26]. Ценностные различия существуют между представителями всех поколений или когорт из-за разного жизненного и политического опыта, однако наиболее молодые группы обычно выделяются заметнее [24; 27].

Некоторые исследователи приводят сравнение молодёжи с такими политически маргинализированными группами, как этнические и религиозные меньшинства или женщины [8]. Такое сравнение зачастую корректно вследствие перекоса в репрезентации в сторону пожилых обеспеченных мужчин, представляющих этническое большинство

[20]. Аналогично другим политически маргинализированным группам, политическое представительство оказывает положительное влияние на молодых избирателей, которым так же, как и, например, афроамериканцем или женщинам, свойственно ассоциировать себя с похожими кандидатами [18; 22; 28]. Возраст создаёт такой же эффект близости между избирателем и кандидатом, как раса или пол [16; 25].

Отметим, что предполагается также наличие связи между первым опытом голосования и дальнейшим электоральным поведением [9]. Избиратели, только получившие избирательные права, обладают менее абсентеистскими настроениями, то есть в случае выпадения крупных выборов на год получения молодым человеком права голосовать он или она с большей вероятностью примет в них участие, чем в случае проведения выборов с лагом в 2–4 года, относительно момента достижения возраста голосования. Следовательно, снижение избирательного возраста может увеличить не только потенциальный объём электората, но и явку. Уровень участия в выборах может рассматриваться как показатель здоровья демократии, поэтому обоснована позиция, в соответствии с которой, обществу необходимо повышать политическую активность абсентеистских групп избирателей, таких, как молодёжь [7].

Материалы и методика исследований.

Основными источниками информации, используемой в данной работе, являются: официальный сайт шведского «школьного голосования» (Skolval) [35], где данные о результатах голосований учеников в 2010–2018 гг. доступны на уровне отдельных школ, и Статистическое управление Швеции [36], собирающее информацию об итогах в том числе парламентских выборов на уровне избирательных участков.

Сравнение территориальных различий между обычными и школьными выборами как для отдельных партий, так и для партийных блоков, традиционно существующих в шведской политике в последние десятилетия, проводилось на уровне муниципалитетов (коммун), в которых организуются школьные выборы. Анализ, использующий агрегацию данных на уровне коалиций, более предпочтителен, так как в меньшей степени зависит от локальных аномалий в под-

держке отдельных малых партий, входящих в состав коалиций.

Результаты исследования.

Результаты школьных выборов. Электоральные предпочтения молодого электората отличаются от предпочтений избирателей старших возрастов, поэтому мы можем предположить существование следующих особенностей школьных выборов. Во-первых, повышенная поддержка экологических, либеральных, прогрессивных и радикальных партий у старшеклассников. Во-вторых, отсутствие серьёзных отличий от обычных выборов в географии поддержки конкретных политических партий, значительная часть которой обычно наследуется через семью. То есть увеличение или уменьшение доли голосов за какую-либо партию на школьных выборах относительно выборов обычных должно происходить равномерно по всей стране.

Общие результаты школьного голосования не имеют принципиальных отличий от результатов национальных выборов (рис. 1). Единственное существенное отличие – понижение явки среди школьников на 6–7 процентных пунктов, по сравнению с настоящими выборами, и более высокая доля недействительных бюллетеней на школьных выборах (6–8% против 1% у «взрослых»). Это наблюдение укладывается в рамки дебатов о необходимости и возможности снижения возрастного ценза на выборах. Аналогичное наблюдается на выборах в Шотландии, где недавно избирательный ценз был снижен

до 16 лет. Избиратели до 18 лет имели иное электоральное поведение (пониженную явку и повышенную долю недействительных бюллетеней), относительно 20–30-летних, но схожие электоральные предпочтения, то есть партии имели близкие доли голосов и среди младших, и среди старших возрастных когорт [6]. Подтверждаются аргументы сторонников понижения возраста голосования, основывавшиеся на аналогичных экспериментах в Бельгии, и на результатах выборов в Австрии, где уже с 2007 г. снижены возрастные ограничения [12; 29; 32; 33].

Половина основных партий имеет одинаковый уровень поддержки как на школьных, так и на обычных выборах, а остальные четыре формируют пары, в каждой из которых есть экологическая партия, приобретающая большую поддержку у школьников, и более консервативная партия, теряющая её. В левом блоке этой парой являются Зелёная и Социал-демократическая партии, в правом – Партия Центра и ХДП/Шведские демократы. Подобные соотношения в левом блоке наблюдаются почти на всех выборах с 2002 г. (рис. 2), в правом же центристы в выигрыше на школьном голосовании только в последние годы, тогда как в 2000-е годы повышенной поддержкой пользовались ультраправые.

Отдельно отметим данные различия внутри групп школьников. Разница в поддержке экологических партий заметна и на небольшой возрастной дистанции. Так ученики 7–9 классов более склонны, чем гимназисты

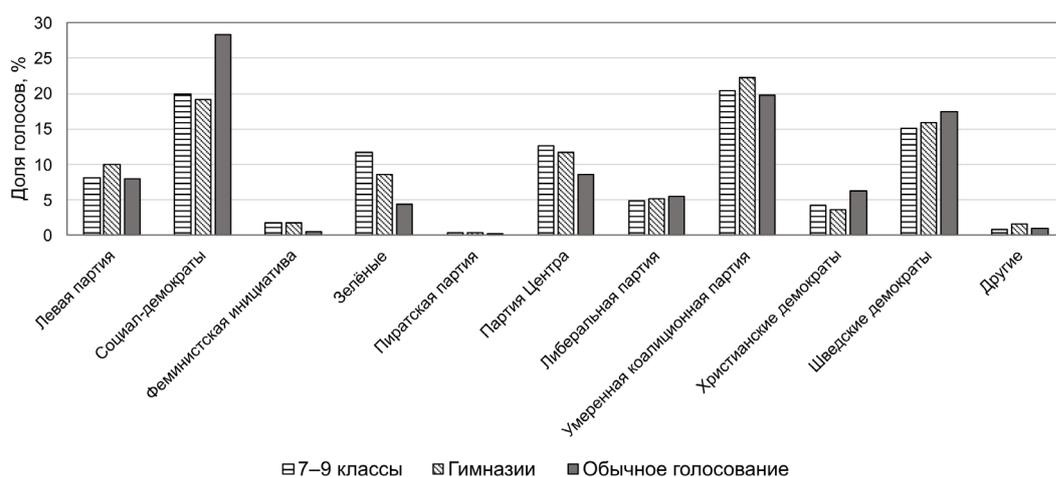

Рис. 1. Поддержка партий на школьных и обычных выборах в 2018 г.

Источник: составлено автором по [35; 36].

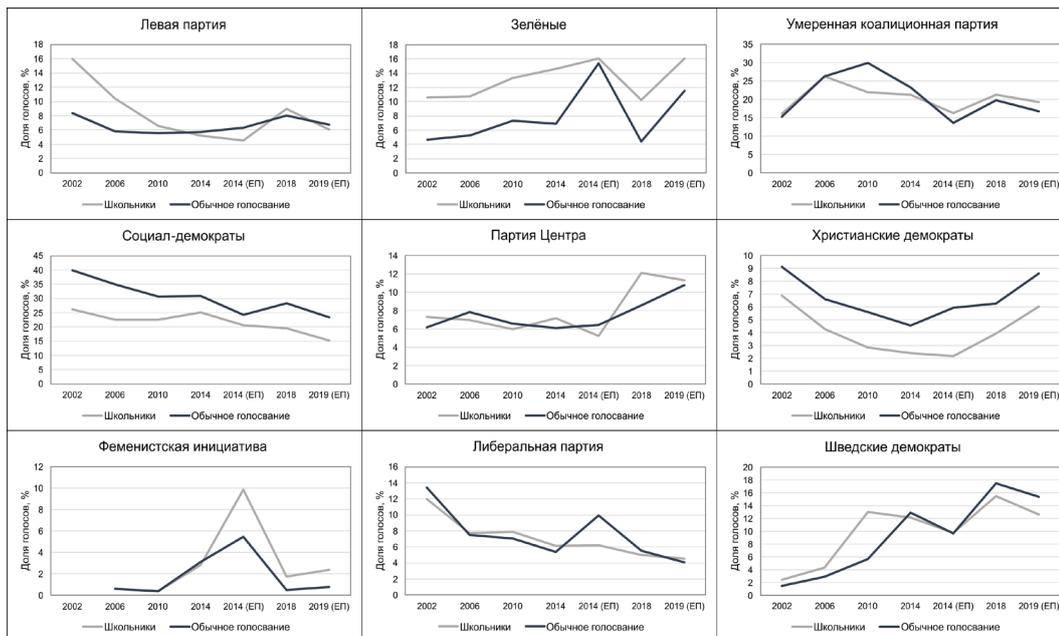

Рис. 2. Уровни поддержки партий на школьных и обычных выборах в период с 2002 по 2019 г.¹

Источник: составлено автором по [35; 36].

(старшая школа), поддерживать Зеленых и Партию Центра, меньшей же поддержкой у них пользуются ультраправые политики.

Территориальные различия между обычными и школьными выборами. На национальных парламентских выборах большинство политических сил имеют ярко выраженные регионы с высокой поддержкой: Норрботтен – электоральная база левых партий, крупные города и университетские центры – база Зеленых, Сконе – ультраправых. В школьном голосовании такой четкой географической дифференциации не наблюдается. Поддержка Красно-Зелёной коалиции (Левые, Социал-демократы и Зеленые) смещается в центр страны с традиционно «левого» севера (рис. 3). В центре страны образуются районы с уровнем поддержки левых партий, сравнимым с аномалией севера Швеции на обычных выборах.

Электорально-географическое ядро правоцентристской коалиции (Либеральная партия, Партия Центра, Умеренная коалиционная партия, Христианские демократы) тоже размывается, смещаясь в центр (рис. 4).

На настоящих выборах правоцентристы имеют преимущество в агломерациях Стокгольма и Гётеборга, что соответствует т.н. «скандинавской модели», что «...отчасти связано с результатами многолетнего доминирования социал-демократов в политической системе, что привело к диффузии их популярности на перифериях, тогда как инновационные центры стали более правыми» [1, с. 16]. На школьных выборах в крупных городах появляются районы с пониженной поддержкой коалиции, при этом появляются новые очаги её поддержки в ленах Даларна, Крунуберг и Блекинге, а также в агломерации Мальмё.

Схожее смещение наблюдается и в географии поддержки ультраправых «Шведских демократов» (рис. 5), которая так же, как и распределение электоральных баз партий левой коалиции, демонстрировала дихотомию «Север – Юг» в шведской политике. Повышается поддержка данной партии у школьников на периферии Мальмё и в отдельных районах центральных ленов. То есть в центре страны вместо равномерного распределения доли голосов за ШД на школьных выборах образуется *мозаичность*.

¹ «(ЕП)» – выборы в Европейский Парламент 2014 и 2019 гг.

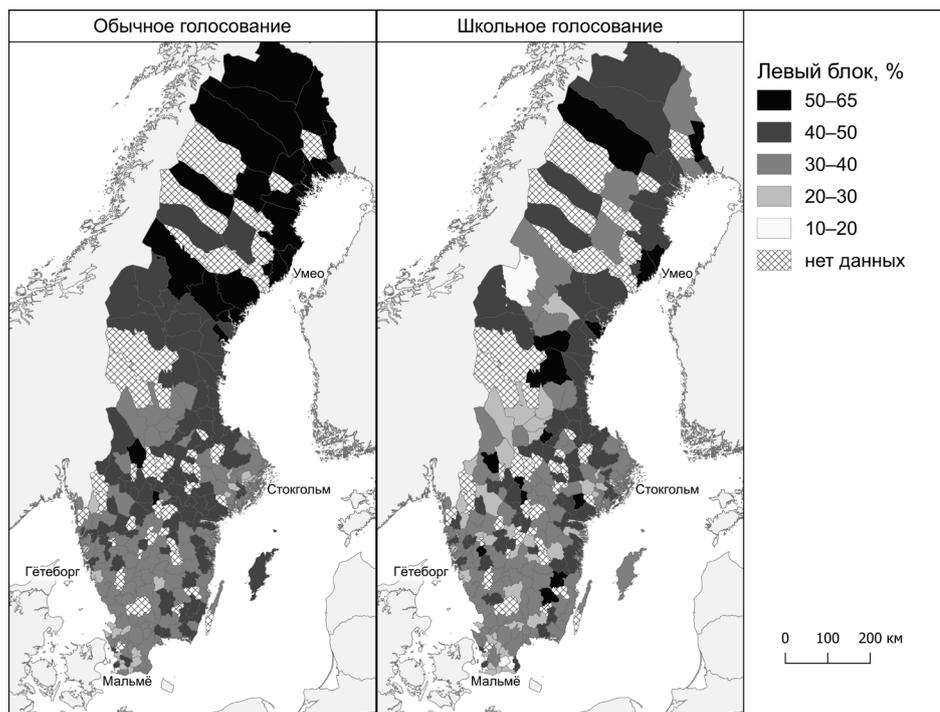

Рис. 3. Поддержка партий левого блока на обычных и школьных выборах 2018 г.²
Источник: составлено автором по [35; 36].

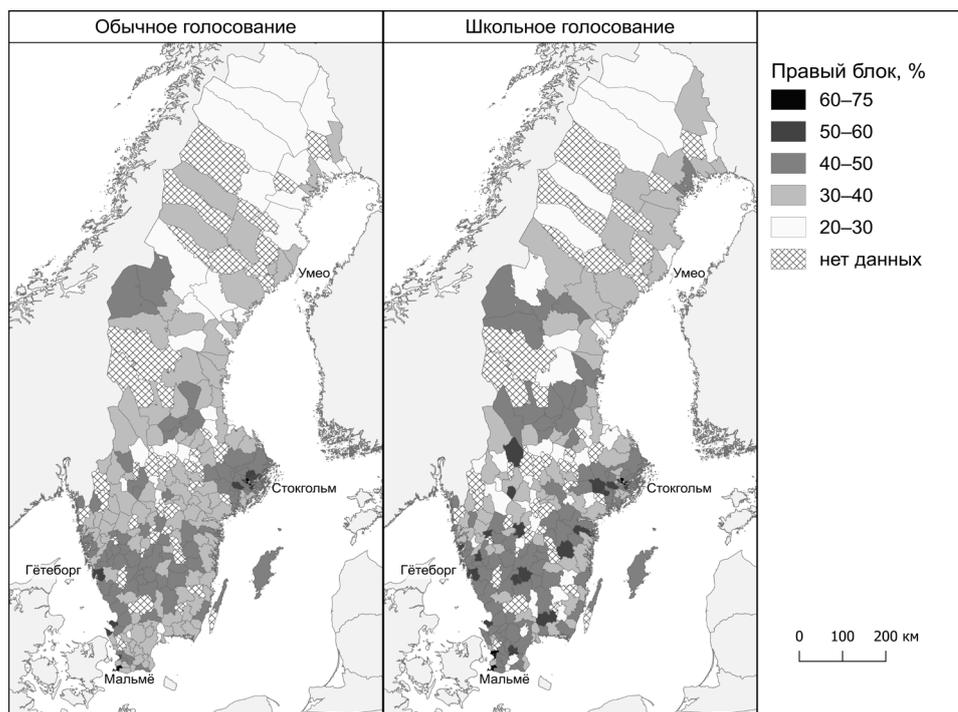

Рис. 4. Поддержка партий правого блока на обычных и школьных выборах 2018 г.
Источник: составлено автором по [35; 36].

² Отнесение муниципалитета к категории «нет данных» означает либо отсутствие в данном районе школ, участвующих в школьных выборах, либо малую численность участников (менее 200 чел.). Большая часть таких коммун находится в периферийных малонаселённых частях страны. Для удобства сравнения на картах, отражающих результаты обычных выборов, не показаны результаты в муниципалитетах, где недостаточно данных на школьных выборах.

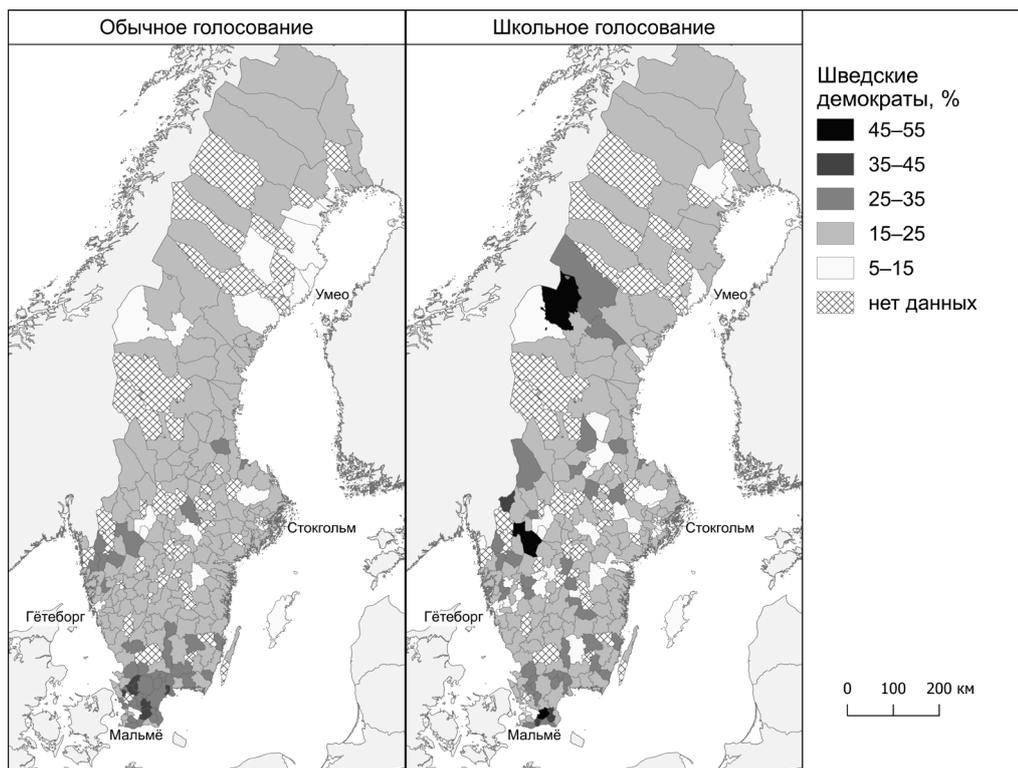

Рис. 5. Поддержка Шведских демократов на обычных и школьных выборах.

Источник: составлено автором по [35; 36].

Данные об общих итогах школьного голосования имеют лишь одно искажение – небольшой сдвиг в большие города. Школы, не участвующие в исследуемом эксперименте, находятся преимущественно на периферии, которая значительно отличается своим электоральным поведением от центра. Хотя их вклад в общие результаты невелик, общие результаты школьного голосования всё же немного сдвинуты в пользу тех партий, которые имеют высокую поддержку в городах (Зеленые, Партия Центра, Либералы). На исследуемых выборах данный эффект незначителен, однако при анализе школьных выборов первых лет им пренебрегать нельзя.

Суммировать различия между школьным и национальным голосованием можно с помощью индексов эффективного числа партий (ЭЧП), отражающего степень партийной

фрагментации [17]. Значение ЭЧП, равное единице соответствует ситуации с безальтернативным доминированием одной партии; полутора – доминирование одной партии с миноритарным участием нескольких малых; двум – двухпартийности;... восьми – ситуации с восемью сопоставимыми по уровню поддержки партиями. В данном исследовании было принято целесообразным использовать вариант формулы ЭЧП, предложенный Г.В. Голосовым³ [11]. Её результаты наиболее интуитивно понятны для оценки количества действующих партий и соответствуют среднему значению для всех аналогичных индексов.

В распределении значений ЭЧП наследуется география поддержки отдельных партий (рис. 6). Городские агломерации являются регионами с традиционно высоким

³ Индекс эффективного числа партий (по Голосову) рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ЭЧП} = \sum_{i=1}^n \frac{1}{1 + \frac{p_i^2}{p_i}} ,$$

где p_i – доля голосов i -ой партии на выборах; p_1 – доля голосов, полученная крупнейшей партией; n – количество партий.

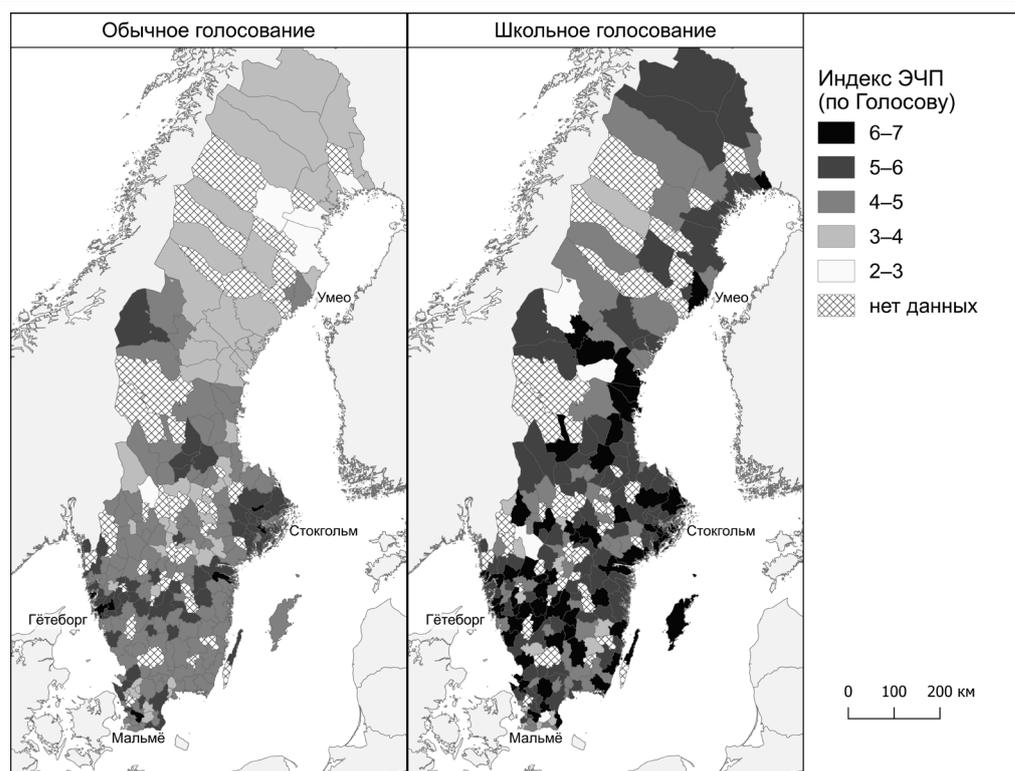

Рис. 6. Распределение значений индекса ЭЧП (Голосова) на обычных и школьных выборах 2018 г. Источник: составлено автором по [35; 36].

уровнем партийной фрагментации на обычных выборах, их антипод – север Швеции с доминированием левых партий. На школьных выборах средние значения ЭЧП выше, чем на обычных. Наиболее фрагментирован школьный электорат в центре страны, а не в крупных городах, как электорат на настоящих выборах.

На электоральных картах школьных выборов наблюдается не равномерное распределение поддержки, нарушаемое лишь несколькими аномальными регионами, а мозаичность. Она характеризуется соседством муниципалитетов, имеющих высокую долю голосов за одну партию, и коммун, схожими по социальным и экономическим показателям, в которых поддержка этой же партии понижена. В результате не складывается однородных электоральных районов, свойственных привычной исследователям электоральной географии Швеции. То есть при общей схожести итогов голосований на обычных выборах результаты формируются из районов с близкими уровнями поддержки партий,

а в школьном голосовании – из совершенно непохожих друг на друга районов.

Разброс уровней поддержки партий на обычных выборах значительно ниже, чем на школьных. Среднеквадратическое отклонение различается в 1,6 раза. На школьных выборах существует множество коммун, где результаты совершенно не похожи на национальные, тогда как на обычных выборах таких коммун единицы.

Причины такой мозаичности следует исследовать отдельно. Они могут быть следствием миграций, совершённых в зрелом возрасте, объясняться влиянием учителей в конкретных школах или уровнем агитации [38]. Повышенная электоральная фрагментация на школьных выборах характерна, как сельским, так и городским, как периферийным, так и центральным районам. Не находится соответствий такого распределения и дифференциацией по экономическим или социальным показателям. Центр-периферийная модель, характерная электоральной географии Швеции [1], на школьном голосовании теряет свою объяснительную силу.

На обычных выборах в Швеции редко происходят значительные изменения в географии голосования за основные партии, увеличение или уменьшение их поддержки происходит более-менее равномерно по стране. На школьных выборах эта стабильность отсутствует, так как между голосованиями обновляется большая часть электората. На выборах 2010, 2014 и 2018 гг.⁴ районы повышенной поддержки отдельных партий меняются от выборов к выборам. Однако суммарные (национальные) итоги голосований школьников и обычных избирателей каждый раз близки друг к другу.

Кроме социально-экономических факторов, электоральное поведение избирателей определяют ещё и контекстуальные эффекты [15]. Ранние исследования эффекта соседства в Великобритании демонстрируют, что рабочие, проживающие в прибрежных курортных городах, где преобладает голосование за Тори, в меньшей степени поддерживают Лейбористскую партию, чем рабочие, проживающие в промышленных районах, где они составляют большинство в электорате [4]. Р. Хакфельдт и соавторы, исследовавшие эффект соседства в Саут-Бенде (Индиана), указывают на сильную связь между тем, с кем общается избиратель, и тем, как он в итоге голосует на выборах [13; 14].

В локальных школьных сообществах результаты могут быть более гомогенны вследствие их выравнивания в ходе дебатов внутри классов/школ. Обычно избиратели не находятся в условиях постоянного обсуждения политики, партий и кандидатов, кроме случаев добровольного участия в таких дискуссиях. Школьники же в период выборов занимаются подобным в ходе учебного процесса, в итоге часть учеников может стремиться присоединиться к большинству с определёнными электоральными предпочтениями. Эффект соседства для школьников оказывается значительнее, чем для обычных избирателей, из-за снижения влияния на молодых избирателей классических электоральных расколов, которые в большей степени определяют конфигурацию электоральных районов на настоящих выборах, чем эффект соседства.

Аналогичные эффекты наблюдаются и в университетских кампусах. Обычно поли-

тические взгляды наследуются через семью или эффект соседства, гомогенизирующий электоральное поведение в малых группах [31]. Эти факторы и способствуют небольшой разнице в итогах голосований школьников и взрослых граждан, в то время как студенческие сообщества радикально отличаются от любых других социальных групп.

Студенты в среднем оказывают большую поддержку крайне левым и нетрадиционным партиям, и меньшую ультраправым, в сравнении как со средним по стране уровнем, так и с близкими по возрасту, но не обучающимися в университетах избирателями. Например, на избирательном участке кампуса Университета Умео поддержка Левой партии составляет 22,9% (9% в школах и на обычных выборах), а ультраправых – 6,3% (16% соответственно).

Предположение подтверждается сравнением данных, агрегированных на уровне муниципалитетов, с данными на уровне школ. В рамках одной школы степень электоральной фрагментации заметно ниже, чем в среднем по коммуне. Например, ЭЧП для всего Готланда близко к семи, тогда как в каждой отдельной школе значения не превышают и пяти. В некоторых школах доля одной партии может приближаться к 50%. Средние показатели зачастую складываются не из близких друг к другу значений, как на обычных выборах, а из полярных. Данное явление укладывается в логику контекстуальных эффектов, суть одного из которых, а именно эффекта соседства, Уильям Миллер охарактеризовал следующим образом: «те, кто общаются друг с другом, голосуют одинаково»⁵ [19, 65 p.].

Выводы. Школьные выборы постепенно становятся всё более частым явлением. Мероприятия, подобные шведскому или норвежскому, проводятся в соседней Дании, в Республике Корея и Канаде. Голосование шведских школьников в целом отличается от голосования обычных избирателей лишь пониженной поддержкой больших традиционных партий (Социал-демократическая и Умеренная коалиционная) и повышенной поддержкой малых экологических партий (Зелёные, Партия Центра). Сравнение

⁴ Для более ранних школьных выборов доступны только общие итоги голосований, результаты на уровне школ, коммун и лендов доступны лишь с 2010 г.

⁵ «People who talk together vote together».

результатов голосования в университетских кампусах со школьными выборами показывает, что старшеклассники оказываются ближе по своим политическим взглядам к обществу в среднем, а не к близким им по возрасту студентам.

Основная особенность школьных выборов в Швеции – несоответствие географии поддержки отдельных партий и коалиций пространственному распределению их поддержки на обычных выборах. У школьников сглажены расколы между севером и югом страны, между центрами и периферией, не выделяются районы со стабильными электоральными предпочтениями избирателей.

География школьного голосования характеризуется *мозаичностью*, что совершенно не свойственно обычному голосованию в этой стране. Общие результаты школьных выборов практически равны результатам настоящих, но формируются они из другого набора локальных результатов. Большая часть коммун на обычных выборах очень похожа на средний по стране уровень. У старшеклассников же разброс уровней поддержки отдельных партий значительно выше. Существует множество разных по электоральным предпочтениям коммун с локальными электоральными контекстами, образованными эффектом соседства, ко-

торые не складываются в однородные электоральные районы, но в сумме дают такой же результат, как и обычное голосование шведских избирателей.

География школьных выборов каждый раз определяется локальными электоральными контекстами, вследствие чего мозаичность, являясь стабильным явлением сама по себе, не обладает стабильностью пространственной формы. Районы повышенной поддержки, например, Христианско-демократической партии меняются от выборов к выборам, тогда как на обычных выборах она имеет стабильное электорально-географическое ядро в Йёнчёпинге. Привычные для электоральной географии Швеции электоральные районы у школьников исчезают, а наследование взглядов через семью или голосование, обусловленное социально-экономическими факторами, имеет куда меньшее значение, чем эффект соседства.

Исследуемый эксперимент, вероятно, выполняет свою основную функцию по вовлечению подростков в политическую жизнь Швеции. Молодые люди, которые приняли участие в имитационном голосовании, с большей вероятностью примут участие и в обычных выборах несколько лет спустя, то есть приобретут привычку голосовать и повысят точность репрезентации на выборах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Туровский Р.Ф.* Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного сравнительного анализа // *Полития*. 2004. № 1. С. 198–232.
2. *Bergh J.* Does voting rights affect the political maturity of 16- and 17-year-olds? Findings from the 2011 Norwegian voting-age trial // *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. № 1. P. 90–100. DOI:10.1016/j.electstud.2012.11.001.
3. *Bittner A.* Platform or Personality? The Role of Party Leaders in Elections. OUP Oxford, 2011. 207 p.
4. *Butler D., Stokes D.* Political Change in Britain: Forces Shaping Electoral Choice. New York: St. Martin's Press, 1969. 516 p.
5. *Chan T.W., Clayton M.* Should the voting age be lowered to sixteen? Normative and empirical considerations // *Political Studies*. 2006. Vol. 54. № 3. P. 533–558. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2006.00620.x.
6. *Eichhorn J.* Votes at 16: New insights from Scotland on enfranchisement // *Parliamentary Affairs*. 2018. Vol. 71. № 2. P. 365–391. DOI: 10.1093/pa/gsx037.
7. *Fieldhouse E., Tranmer M., Russell A.* Something about young people or something about elections? Electoral participation of young people in Europe: Evidence from a multilevel analysis of the European Social Survey // *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. № 6. P. 797–822. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2007.00713.x.
8. *Fisher P.* Is there an emerging age gap in US politics? // *Society*. 2008. Vol. 45. № 6. P. 504–511. DOI: 10.1007/s12115-008-9152-y.
9. *Franklin M.N.* Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945. Cambridge University Press, 2004. 251 p.
10. *Furlong A., Cartmel F.* Social change and political engagement among young people: generation and the 2009/2010 British Election Survey // *Parliamentary Affairs*. 2012. Vol. 65. № 1. P. 13–28. DOI: 10.1093/pa/gsr045.
11. *Golosov G.V.* The effective number of parties: A new approach // *Party Politics*. 2010. Vol. 16. № 2. P. 171–192. DOI: 10.1177/1354068809339538.
12. *Hart D., Atkins R.* American sixteen- and seventeen-year-olds are ready to vote // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 633. № 1. P. 201–222. DOI: 10.1177/0002716210382395.

13. *Huckfeldt R. et al.* Political environments, cohesive social groups, and the communication of public opinion // *American Journal of Political Science*. 1995. Vol. 39. № 4. P. 1025–1054. DOI: 10.2307/2111668.
14. *Huckfeldt R.R., Sprague J.* Citizens, Politics and Social Communication: Information and Influence in an Election Campaign. Cambridge University Press, 1995. 306 p.
15. *Johnston R.J.* Local effects in voting at a local election // *Annals of the Association of American Geographers*. 1974. Vol. 64. № 3. P. 418–429. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1974.tb00990.x.
16. *Joshi D.K.* The representation of younger age cohorts in Asian parliaments: Do electoral systems make a difference? // *Representation*. 2013. Vol. 49. № 1. P. 1–16. DOI: 10.1080/00344893.2013.775960.
17. *Laakso M., Taagepera R.* «Effective» number of parties: a measure with application to West Europe // *Comparative Political Studies*. 1979. Vol. 12. № 1. P. 3–27.
18. *Mansbridge J.* Should blacks represent blacks and women represent women? A contingent «yes» // *The Journal of Politics*. 1999. Vol. 61. № 3. P. 628–657. DOI: 10.2307/2647821.
19. *Miller W.L.* Electoral Dynamics in Britain Since 1918. Springer, 1977. 241 p.
20. *Norris P. et al. (ed.)*. Passages to Power: Legislative Recruitment in Advanced Democracies. Cambridge University Press, 1997. 232 p.
21. *Norris P., Inglehart R.* Women and democracy: Cultural obstacles to equal representation // *Journal of Democracy*. 2001. Vol. 12. № 3. P. 126–140. DOI: 10.1353/jod.2001.0054.
22. *Pitkin H.F.* The Concept of Representation. University of California Press, 1967. 338 p.
23. *Pomante M.J., Schraufnagel S.* Candidate age and youth voter turnout // *American Politics Research*. 2015. Vol. 43. № 3. P. 479–503. DOI: 10.1177/1532673X14554829.
24. *Riley M.W.* Aging and cohort succession: Interpretations and misinterpretations // *Public Opinion Quarterly*. 1973. Vol. 37. № 1. P. 35–49. DOI: 10.1086/268058.
25. *Sevi S.* Do young voters vote for young leaders? // *Electoral Studies*. 2021. Vol. 69. P. 102–110. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102200.
26. *Shin E.H.* Political demography of Korea: Political effects of changes in population composition and distribution // *East Asia: An International Quarterly*. 2001. Vol. 19. № 1. P. 171–204. DOI: 10.1007/s12140-001-0006-0.
27. *Shin E.H.* Election democracy, populism, and generational politics: The case of the April 15, 2004 general election in South Korea // *East Asia*. 2005. Vol. 22. № 1. P. 51–81. DOI: 10.1007/s12140-005-0020-8.
28. *Sigelman C.K. et al.* Black candidates, white voters: Understanding racial bias in political perceptions // *American Journal of Political Science*. 1995. Vol. 39. № 1. P. 243–265. DOI: 10.2307/2111765.
29. *Stiers D., Hooghe M., Goubin S.* Are 16-year-olds able to cast a congruent vote? Evidence from a «voting at 16» initiative in the city of Ghent (Belgium) // *Electoral Studies*. 2020. Vol. 63. P. 102–107. DOI: 10.1016/j.electstud.2019.102107.
30. *Stockemer D., Sundström A.* Age representation in parliaments: Can institutions pave the way for the young? // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 10. № 3. P. 467–490. DOI: 10.1017/S1755773918000048.
31. *Taylor P.J., Johnston R.* Geography of Elections. Routledge, 2014. 527 p.
32. *Wagner M., Johann D., Kritzing S.* Voting at 16: Turnout and the quality of vote choice // *Electoral Studies*. 2012. Vol. 31. № 2. P. 372–383. DOI: 10.1016/j.electstud.2012.01.007.
33. *Zeglovits E., Aichholzer J.* Are people more inclined to vote at 16 than at 18? Evidence for the first-time voting boost among 16-to 25-year-olds in Austria // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2014. Vol. 24. № 3. P. 351–361. DOI: 10.1080/17457289.2013.872652.
34. Skolevalg 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsd.no/skolevalg/> (дата обращения: 08.10.2021).
35. Skolval 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://skolval2018.se/> (дата обращения: 21.09.2019).
36. Statistics Sweden [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 02.08.2019).
37. Student vote Canada [Электронный ресурс]. URL: <https://studentvote.ca/canada/> (дата обращения: 08.10.2021).
38. *Thulin M.* Skolvalet och Sverigedemokraterna (2007). URL: <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1497968&dswid=-3019> (дата обращения: 01.10.2021).
39. Valgresultat [Электронный ресурс]. URL: <https://www.skolevalg.dk/> (дата обращения: 13.01.2020).

Статья поступила в редакцию журнала 16 февраля 2022 г.

Об авторе:

Чернецкий Федор Михайлович – лаборант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Чернецкий Ф.М. Территориальные особенности школьных выборов в Швеции // Региональные исследования. 2022. № 2. С. 106–116.

DOI: 10.5922/1994-5280-2022-2-9

Spatial patterns of the school elections in Sweden

F.M. Chernetskii

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia
e-mail: fedor.mche@gmail.com*

Talking about school elections implies a talk about an experiment which allows teenagers to familiarize themselves with their country's electoral culture. It also provides an opportunity to learn about candidates, political parties, political debates, and electoral process in general. These «experimental elections» have been taking place in Sweden since the end of the XX century. Nowadays, most of school students participate in the school elections. The results of this voting can be analysed as well as the results of common elections except the fact of analysing electoral preferences of small and relatively homogeneous group. In this particular article school elections that had taken place in Sweden in 2018 were analysed as a spatial process. Final results of voting are quite close to those that can be seen in common elections though spatial diversity varies. The results of school elections also show the increasing role of contextual (neighbourhood) effect comparing to «adult» elections and brings out an unexpectedly high difference in electoral behaviour between students of schools and those who study in colleges.

Key words: School elections, Sweden, SkolVal, student vote, electoral geography, neighborhood effect.

Received 16.02.2022